Федирко Оксана Петровна – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Благовещенского филиала НОУ ВПО Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы (г. Благовещенск). E-mail: fedenka.67@mail.ru

Роль советских праздников в антирелигиозной борьбе на Дальнем Востоке в 20-е – 30-е гг. XX в.

Статья посвящена процессу внедрения новой советской обрядности на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX в. Используя в борьбе с религией такое пропагандистское средство, как антирелигиозные праздники, идеологи советской власти пошли по пути приспособления новой обрядности к ранее существовавшей, религиозной. Благодаря антирелигиозным праздникам постепенно происходит замещение идеологии религиозной идеологией советской.

Ключевые слова: религия, советские праздники, антирелигиозная борьба, идеология.

На протяжении многих десятилетий советская власть создавала искусственную систему праздников и обрядов, которые затем насильственно внедрялись в жизнь общества.

Государство вело сознательную политику искоренения «пережитков прошлого» и активно боролось с церковью. Соответственно, в первую очередь, власть стремилась уничтожать обряды и традиции, несущие религиозную символику. Однако лидеры молодого советского государства еще в начале 20-х годов отмечали, что «… церковная обрядность держит даже и неверующего или мало верующего рабочего на привязи через посредство трех важнейших моментов в жизни человека и человеческой семьи: рождение, брак, смерть. Рабочее государство отвернулось от церковной обрядности, заявив гражданам, что они имеют право рождаться, сочетаться и умирать без магических движений и заклинаний со стороны людей, облаченных в рясы, сутаны и другие формы религиозной прозодежды. Жизнь трудовой семьи слишком монотонна (однообразна)… Отсюда же потребность в церкви с ее обрядностью. Как ознаменовать брак или рождение ребенка в семье? Как отдать дань внимания умершему близкому человеку? На этой потребности – отметить, ознаменовать, украсить главные вехи жизненного пути – и держится церковная обрядность» [1, с. 2.]. И поскольку за короткий срок заставить людей отказаться от традиций, являвшихся основой их жизненного уклада, было сложно, государство не всегда решалось искоренить «старые обряды», а, скорее, пыталось вытеснить их так называемой «социалистической обрядностью» [2, с. 3].

Советская наука выделяла три основных этапа формирования советской обрядности: первый – с 1917 г. до середины 1930-х годов; второй – середина 30-х годов – 1950-е годы; третий – 50-е – 80-е годы XX в. [3, с. 208 – 212].

В данной статье мы подробно рассмотрим процесс формирования советской обрядности на Дальнем Востоке в рамках первого этапа.

Новые традиции, вводимые партией большевиков в повседневную жизнь людей, получили название «красной обрядности»: «В начале 1920-х гг. с целью противодействия церковной обрядности комсомольцы и молодежь устраивали «красную пасху», «красное рождество», сопровождавшиеся массовыми агитационными действиями и зрелищами […]. В первые послеоктябрьские годы получили распространение в быту: «красные свадьбы», «красные крестины» («октябрины», «звездины»), гражданские панихиды («красные похороны»). Они имели ярко выраженную атеистическую направленность, пропагандировали советский образ жизни, новые взгляды на общественные и брачно-семейные отношения…» [3, с. 92].

С самого начала власть уделяла повышенное внимание новым революционным праздникам. В 1918 году общегосударственными праздниками были объявлены не только привычные нам 7 ноября, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, но и 22 января (в память о «кровавом воскресенье»), 12 марта (день падения самодержавия), 17 января (день памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург), 22 декабря (день памяти московского вооруженного восстания), 16 апреля (день приезда Ленина в Петроград) [2, с. 20].

Сценарии праздников с антирелигиозным содержанием включали в себя манифестации, митинги, уличные массовые представления, сжигание крестов, чучел бога и попов, и т. д. Это объяснялось тем, что в годы Гражданской войны и военной иностранной интервенции прямая борьба с церковью рассматривалась как разновидность борьбы с контрреволюцией в «церковном обличье». Но ситуация изменилась. С одной стороны, враги (белые и интервенты) были разгромлены и изгнаны из страны, а с другой – пришло понимание, что религию из умов людей так быстро не изгнать [4, с. 28 – 29].

Восстановление советской власти на Дальнем Востоке после гражданской войны и иностранной военной интервенции произошло в ноябре 1922 года в форме революционных комитетов (ревкомов), которые были призваны укрепить власть, очистить государственные органы, учреждения и организации от всех «враждебных» элементов, провести в жизнь советские законы. Высшим органом центральной власти на Дальнем Востоке в этот период являлся Дальревком, непосредственно подчинявшийся ВЦИК и СНК РСФСР и работавший в тесной связи и под руководством Дальбюро ЦК РКП(б). Практически, Дальревком проводил в жизнь решения Коммунистической партии и советского правительства [5, с. 7 – 8]. Таким образом, Дальневосточный регион оказался в юрисдикции советского государства и его законов, которые регулировали все сферы деятельности, в том числе и религиозную, через региональные и местные партийные и советские органы власти и исполнения.

В первые годы советской власти Центральные партийные и советские органы своим дальневосточным коллегам настойчиво рекомендовали

принять все меры по недопущению оскорбления религиозных чувств верующих и перенести всю тяжесть пропаганды на научное объяснение происхождения религии. Период «научного» подхода к антирелигиозной пропаганде по времени совпадал с государственной политикой НЭПа.

«Штурм» на религию (по указанию советского политического режима) активно стал осуществляться в форме «антирелигиозных праздников». В марте 1923 года в Хабаровский губернский комитет партии пришла телеграмма за подписью секретаря ЦК РКП (б) В.В. Куйбышева. В ней предлагалось «… обратить максимальное внимание на пропагандистскую сторону антирелигиозной кампании во время пасхи». Были даны и конкретные рекомендации: подготовить соответствующую литературу, поместить антипасхальные статьи в средствах массовой информации, развернуть лекционную работу [6, л. 39].

В свою очередь, Хабаровский губернский комитет партии разослал по городским ячейкам РКП(б) телеграммы, в которых, кроме антипасхальных мероприятий, предусматривалось проведение антирелигиозных мероприятий во время празднования других значительных религиозных праздников: «В Троицу, Духов день проведите антирелигиозную агитацию: проведите живую газету, лекции, пьесы, политсуд над религией в рамках города. Остерегайтесь оскорбления чувств верующих. Уличных выступлений воздерживайтесь. Привлеките военных» [7, л. 83]. Кроме того, рекомендовалось введение новых советских праздников. «Организуйте празднование нового революционного праздника – Международного Юношеского дня – 2 сентября 1923 г.» [7, л. 157].

В Циркуляре комиссии по улучшению жизни детей при Дальревкоме за 11 декабря 1923 г. значилось: «… проведение недели помощи ребенку является первым шагом «… по пути изменения христианской физиономии декабрьских праздников». Говоря о «… рождественских праздниках, их переименовании и изменении христианского налета в существе празднования трудно придумать лучшую форму, чем «праздник детей» или «Детские праздники» и более удобный предлог для изменения сущности, чем помощь беспризорному ребенку под лозунгами: «дети, имеющие дом, – бездомным», «дети сытые – детям голодным» и т. д. «Предлагаем провести вечером с 24 по 25 декабря, по возможности, во всех клубах «Красную елку» в пользу беспризорного ребенка. Через школы, коллективы служащих и т. п. следует привлечь по возможности больше детей с тем, чтобы последние сопровождались матерями, родственниками и т. д., чем будет достигнута двойная цель: отвлечение родителей и детей от традиционного празднования; помощь нуждающимся детям» [8, л. 32 – 32 об.].

Известно, что 26 декабря 1923 г. члены Петропавловского горрайкома Российского коммунистического союза молодежи провели комсомольское «рождество» [9, л. 76].

Некоторые праздники советская власть пыталась вводить специально для крестьян. Так, в 1923 году Н.К. Крупская опубликовала в газете «Правда» статью «Праздник урожая». В ней предлагалось «развивать старые обычаи на

новой основе». По замыслу руководства страны «… день урожая должен был на новой основе продолжить старые народные обычаи, сопровождающие летние и весенние работы по уборке урожая» [2, с. 42]. Первоначально власти сочли целесообразным частично поступиться принципами – в первые годы День урожая был официально приурочен к христианскому празднику «Спаса Преображения» (в народе он широко известен как «Яблочный Спас»), в дальнейшем этот праздник в разных местностях стали отмечать в разное время [2, с. 42].

Материалы 1924 г. «… гораздо полнее рисуют картину резкой и бестактной критики религии». 20 марта состоялось собрание активных участников проведения «комсомольской пасхи». 8 апреля Горкомом утвержден порядок празднования комсомольской «пасхи»: 24 апреля – политсуд над религией, 26 апреля – торжественное заседание по случаю свержения «богов»; намечены были выступления… Доммана – «Наука и религии несовместимы», Одляницкого – «Праздник еврейской и христианской пасхи» и др. Всего намечалось 7 выступлений, в том числе «Миф о Христе» и «Религия в руках буржуазии превращается в оружие эксплуатации».

Реализация плана проходила следующим образом. В середине месяца было вывешено объявление, что на политсуд приглашается «поп Леонтий» (Леонтий Яковлев, настоятель Петропавловского собора) в качестве защитника. Из дневника секретаря ячейки КСМ при школе второй ступени: «19 апреля ячейка Сорапроса делала чучело богородицы. 24 апреля комсомольцы в 6 часов были в нартеатре, где прошел суд над религией при огромном стечении публики. Публика разошлась как будто разочарованная, что она надеялась встретить не то» [9, л. 76].

Секретарь Камчатского губбюро РЛКСМ, И. Мальков, в секретном докладе писал: «Комсомольская пасха в 1924 г. проведена с большим шумом (сжигание чучел попов около церкви, пение религиозных песен во время богослужения и т. д.), но с чрезвычайно маленьким и даже вредным содержанием. Такой метод проведения антирелигиозных компаний только озлоблял верующих камчадал» [9, л. 83].

В некоторых случаях для отвлечения внимания от религиозных праздников применялись и менее активные методы работы. Петропавловская школа II ступени информировала весной 1924 г. свое начальство: «…27 апреля, в воскресенье (пасха) учащиеся были заняты подготовкой к проведению празднования 1-го мая…» [10, л. 77].

Нормативными документами предписывалось, что школа должна активно участвовать в антирелигиозной пропаганде, и она активно включилась в эту работу, проводя ее не только среди школьников, но и среди общественности. Пропагандируя антирелигиозные праздники, общее собрание Камчатского союза работников просвещения 24.04.1924 г. приняло резолюцию следующего содержания:

«Религия – опиум народа. Религия – верный служитель буржуазии и ее наглой эксплуатации трудящихся.

…Давая дни отдыха трудящимся, буржуазия, осознающая, что «некоторый» отдых необходим, также использовала это в своих интересах.

К ее услугам в эти дни являлись попы и вся церковная братия, установившая «угодные богу» праздники.

И вместо того, чтобы все эти трудящиеся после долгой и трудной работы физической могли пойти отдохнуть, получить духовную пищу, их заманивали в душную церковь и набивали им в голову рабскую покорность и смирение перед «величием» бога и земных властителей от буржуазии. Уставший, покорный судьбе трудящийся нес это тяжелое бремя.

…Мы, свободные трудящиеся Камчатки, просвещенцы, сознавая, что только свет и знание дадут лучшее будущее, а не церковь с ее никчемными праздниками и традициями, объявляем завтра, обычный день нашего отдыха, совпадающий с христианской пасхой, днем рабочим и призываем к этому всех трудящихся Камчатки.

Мы зовем одновременно трудящихся всего мира покончить раз и навсегда с религиозным дурманом.

Да здравствует наука – долой религию, долой церковные обряды и праздники.

Освобожденный пролетариат сможет праздновать только свои антирелигиозные праздники, дни годовщины своей борьбы, своих побед» [10, л. 16 об.].

Показательным антирелигиозным мероприятием можно считать празднование 4 апреля 1925 г. в театральном зале Партпрофклуба им. Товарища Нориман-Нориманова г. Петропавловска антирелигиозной пасхи.

Программа антирелигиозной компании включала:

1. Доклад на тему «Значение комсомольской пасхи».
2. «Ключ к разгадке» – антирелигиозная комедия в 1 действии.
3. Первая часть дивертисмента, хоровые и музыкальные номера.
4. Антирелигиозные рассказы, басни, анекдоты.
5. «Пасхальное недоразумение» – антирелигиозная комедия в 1 действии.
6. Вторая часть дивертисмента, антирелигиозные частушки, декламации и спортивные номера [11, 28].

Предъявленные комедии были довольно грубого содержания. В комедии «Пасхальное недоразумение» православных христиан представлял «кулак» с его убеждениями, что «без веры человеку и согрешить не можно и радости покаяния нельзя ощутить». Кулаку поддакивала жена: «Правильно, батюшка мой, вот я весь год грешила, грешила, а теперь душа, ровно младенец, чиста. От всякой скверны очистилась». Хор комсомольцев пел на мотив красноармейской песни «Шинелька»:

Мы без лишних разговоров,
Мы без лишних слов
Сбросим кучей в ящик с сором
Пресвятых богов.

Народ-труженик в пьесе олицетворяли мужик и баба, что доказывали частушками на новый манер.

ОН: «В церковь больше не пойду.
Сказка больно старая.
Не поймаешь на уду
Больше пролетария».
Она: «Звучит иное слово,
Жизнь борьбою спенена.
Брошу сказочки боговы,
Возьму правду Ленина».

На этом «Пасхальное недоразумение» завершалось [11, л. 29 – 30].

Определенный интерес представляют заметки из доклада Петропавловской организации РЛКСМ о проведенном мероприятии: «… систематического пьянства среди комсомольцев не замечалось, но все же были случаи, когда это замечалось, но в минимальном размере… Особенно эти случаи были замечены на антирелигиозной пасхе» [9, л. 76 – 77].

В антипасхальные и антирождественские мероприятия активно вовлекалась молодежь. Партийные органы рекомендовали комсомольским организациям формы и методы проведения антирелигиозных мероприятий. Эти рекомендации становились для комсомольской молодежи руководством к действию. На заседании секретариата Дальневосточного комитета комсомола в апреле 1927 года по рекомендации Дальбюро было принято решение во время пасхальных праздников обратить внимание на:

а) культурно-массовую работу: через юнсекции и избы-читальни организовать досуг молодежи, чтобы отвлечь ее от отрицательных проявлений в быте;

б) печать: через комсомольские печатные органы, стенгазеты создавать общественное мнение вокруг вопросов антирелигиозной пропаганды и антирелигиозного движения [12, л. 87].

К антипасхальной кампании выпускались специальные литературные сборники. В них печатались руководящие статьи о социальном значении пасхи и кампании, программы и материалы для антирелигиозных концертов, живых газет (стихи, инсценировки), тезисы докладов для лекторов.

7 июля 1928 г. Крайком ВКП(б) принял развернутое Постановление «Об антирелигиозной работе в крае», в котором отмечалось: «Для края в настоящий момент характерна усиливающаяся активность религиозных организаций, выражающаяся, в основном, во внутриорганизационном их оживлении и в более систематических попытках расширения своего влияния на массы крестьянства, и улучшения материальной базы религиозных организаций» [13, с. 9].

Под воздействием пропаганды все большее число людей и целые населенные пункты вообще отказывались от религиозных праздников. На Дальнем Востоке в 1927 году от них отказались 113 деревень, а в 1928 году – 341 [14, л. 6].

С 1928 г. в разработку стратегии по проведению антирелигиозных праздников включился Народный комиссариат просвещения РСФСР.

Центральный кабинет политпросвещения ГПП разослал всем материалы к антирождественской кампании [15, л. 40].

Общая установка антирождественской кампании включала в себя противопоставление значения для трудящихся десятилетия Октябрьской революции и праздника рождества. Предписывалось увязать антирождественскую пропаганду с важнейшими фактами международного положения СССР, в частности с усилением попыток международной буржуазии вызвать войну против СССР, чтобы уничтожить у нас власть трудящихся. «Мы должны говорить о том, что молитвами и песнопениями о мире не защитим себя от нападения мирового капитала, что мы должны энергично укреплять обороноспособность СССР, укрепляя нашу авиацию путем сбора средств на эскадрильи «Наш ответ Чемберлену», и в частности самолет «Безбожник» [15, л. 40].

Наиболее приемлемыми формами антирождественской пропаганды считались спортивные развлечения. «Антирелигиозные катания на катках, физкультурные соревнования, лыжные пробеги – все это может отвлечь молодежь от церкви и сектантской проповеди, от праздничного хулиганства» [15, л. 42].

Была рекомендована программа антирелигиозного вечера примерно такого характера: 1) короткий доклад; 2) небольшая пьеса; 3) выступление декламаторов и чтецов; 4) несколько номеров живой газеты; 5) хор [15, л. 42].

Из пьес рекомендовалось:

1. «Святой чёрт» Скворцова, издательство «Безбожник».
2. «По евангелию» Градова, издательство «Безбожник».
3. «Веселая пьеса про Аксинью», сборник «Долой религиозный дурман».
4. «Даешь новый быт. Комсомольская пасха». 1924 г., издательство «Красная Новь».
5. Федоров, «Вечера антирелигиозной пропаганды», пьеса «Святая инквизиция», и другие [15, л. 43].

Для усиления эффекта от данного мероприятии предлагалось оформить уголок или стенную газету к антирождественской кампании, в материалах которых необходимо было показать, как Октябрьская революция способствовала освобождению трудящихся от религии, какой вред приносит им в настоящее время религия и праздник рождества в частности [15, л. 44].

Однако проведение антирелигиозных праздников осуществлялось, преимущественно, среди комсомольцев и членов ВКП(б), остальная часть населения продолжала праздновать религиозные праздники и устраивать массовые прогулы в эти дни. Решением этой проблемы стала замена религиозных праздников на праздники труда. В 1929 году на Дальнем Востоке впервые провели «Первый день индустриализации» вместо Преображения и «Второй день индустриализации» вместо Рождества. Эти дни на большинстве предприятий Дальневосточного края были отмечены стопроцентной явкой на работу, отсутствием пьянок [16, с. 14]. Данной

тактики в антирелигиозной пропаганде государство будет придерживаться на следующем этапе, вплоть до 50-х годов XX в.

Используя в борьбе с религией такое пропагандистское средство, как антирелигиозные праздники, идеологи советской власти пошли по пути приспособления новой обрядности к ранее существовавшей, религиозной. Сценарии проведения антирелигиозных праздников, по форме часто грубые, часто откровенно провокационные, несмотря на это, достигли цели. В 20 – 30-е годы XX в. происходит замещение идеологии религиозной идеологией советской, в том числе и благодаря антирелигиозным праздникам.

Литература и источники:

1. Троцкий, Л. Д. Культура переходного периода: семья и обрядность / Л.Д. Троцкий // Правда. – 1923. – № 156.

2. Тульцева, Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР / Л. А. Тульцева. – М., 1985.

3. Курочкин, А. В. Этапы формирования советской обрядности / А. В. Курочкин // Советские традиции, праздники и обряды. – Киев, 1988.

4. Воронцов, Г. В. Массовый атеизм: становление и развитие / Г. В. Воронцов. – Л., 1983.

5. Местные советы Приморья. Страницы истории. Сборник документов. 1922 – 1985 гг. – Владивосток, 1990.

6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф.П-318. – Оп. 1. – Д. 3.

7. ГАХК – Ф. П-358. – Оп. 1. – Д. 33.

8. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). – Ф. П-19. – Оп. 1. – Д. 19.

9. ГАКК. – Ф. П-53. – Оп. 1. – Д. 40.

10. ГАКК. – Ф. П-19. – Оп. 6. – Д. 143.

11. ГАКК. – Ф. П-326. – Оп. 1. – Д. 23.

12. ГАХК. – Ф. 618. – Оп. 1. – Д. 18.

13. Известия Дальневосточного Краевого комитета ВКП (б). – 1928. – № 13 – 14. – 20 июля.

14. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). – Ф. 1174. – Оп. 2. – Д. 80.

15. ГАКК. – Ф. Р-37. – Оп. 1. – Д. 4.

16. Узков, И. Против религии за воинствующее безбожие / И. Узков. – Владивосток, 1930.